— Ну, козак, ~~как~~ як дела?
— Как сажа бела.
— Глаз, ~~как~~? Шо-ж вин?
— Хожу на уколы.
— Скилька одягало?..
— Восемнадцать.
— Больно чи ни?
— Нет, сладко.
— А ты попроси, шо-б вона честь его варигалы.
— Не всем косым быть.
— Це так.
Шельмой язвительный сосед Григория был недоволен всем: ~~он~~ ругал власть, войну, участь свою, больничный стол, повара, докторов, все, что попадало на острый его язык.
— За шо мы с тобою, хлопче, воювали?
— За что все, за то и мы.
— Та то скажи мини толком.
— Отвяжись!
— Га! Дуркан ты! Це дило треба разжувати. За буржуив мы воювали, чуешь? Шо-ж це таке — буржуй? Птица така у коноплях живет...
Он разъяснял Григорию непонятные слова, пересыпал свою речь ругательной забористой [illegible].
— Не тарахти! Не понимаю хохлачьего твоего языка, — перебивал его Григорий.
— Осе тоби! Шо-ж то, ~~ты~~ ~~друг~~ кацапуля не понимаешь?
— Реже говори.
— Я-ж ~~мов~~ ридненький, и то балакаю не густо. Ты кажешь за царя, а шо-ж воно таке — царь? Царь — катюга, царица — курва, панам от войны прибавка, а нам удавка. Чуешь? Осе! Фабрикант ~~водку~~ горилку пье — солдат вошку бье, трудно обоим... Фабрикант с барышами, а рабочий ~~[illegible]~~ нагишом, так воно порядком и ~~[illegible]~~ пластуется... Слухай, козак, дывысь, ~~[illegible]~~ це ~~[illegible]~~! Один крест ~~[illegible]~~ горячий, дубовый...
Изо дня в день вкрадчиво он в ум Григория досыпал неизвестные ему истины, разъяснял подлинные причины возникновения войны, едко высмеивал самодержавную власть. Григорий пробовал возражать, но Гаранжа забивал его в тупик простыми, убийственно-простыми вопросами и Григорий вынужден был соглашаться. Самое страшное в этом было то, что сам он в душе чувствовал ~~[illegible]~~ правоту Гаранжи и был бессилен противопоставить ему возражения, не было их и нельзя было ~~их~~ найти. С ужасом Григорий сознавал, что умный и злой хохол постепенно, неуклонно разрушает все его прежние понятия о царе, родине, о его долге казачьем воинском. ~~[illegible]~~ В течении месяца ~~[illegible]~~ после прихода Гаранжи, прахом задымились все те устои, на которых покоилось сознание. Подточила эти устои, подточила их раньше чудовищная нелепица войны, и нужен был только толчок. Толчок был дан, проснулась мысль, она изнурила, придавила простой бесхитростный ум Григория. Он метался, искал выхода, разрешения этой непосильной для

Говорил он по-хохлацки, но в редкие минуты, когда волновался, переходил на ~~[illegible]~~ русский язык, и тогда уже язык его [illegible] изменялся чисто.